НОРМАН ФЭРКЛОУ

ДИАЛЕКТИКА ДИСКУРСА

http://www.ling.lancs.ac.uk/staff/norman/2001a.doc

Дискурс и социальные практики

Критический дискурс-анализ (или, сокращенно, КДА) базируется на идее «означивания» как несводимого к другим (irreducible) элемента всех материальных социальных процессов (Williams 1977). Мы можем рассматривать социальную жизнь как сеть взаимосвязанных социальных практик различного рода (экономических, политических, культурных, семейных и т.д.). Концепт «социальные практики» является в данном случае центральным, поскольку он позволяет преодолеть разрыв между установкой на изучение социальных структур и установкой на изучение социального действия и взаимодействия, т.е. установками, которые в равной степени необходимы в социальных исследованиях и в социальном анализе (Chouliaraki и Fairclough 1999). Под «социальной практикой» мы понимаем относительно устойчивую форму социальной деятельности (например, преподавание, телевизионные новости, семейные ужины, медицинские консультации). Каждая практика представляет собой артикуляцию разнообразных социальных элементов в рамках относительно устойчивой конфигурации, среди которых всегда имеет место дискурс. Мы можем утверждать, что каждая практика включает в себя следующие элементы:

Деятельность
Субъекты и их социальные отношения
Инструменты
Объекты
Время и место
Формы сознания
Ценности
Дискурс

Эти элементы находятся в **диалектической** взаимосвязи (Harvey 1996). Это означает, что это различные по природе, но не дискретные, не полностью самостоятельные элементы. В определенном смысле, каждый элемент «интернализирует» остальные, будучи сводимым к ним. Так, например, и социальные связи, и социальные идентичности, и культурные ценности, и сознание имеют знаковую природу, но это не означает, что мы теоретизируем и исследуем, например, социальные связи так же, как и язык – у них есть существенные различия, что подразумевает исследование их в рамках различных дисциплин. (Хотя, возможно и желательно использовать междисциплинарный подход см. Fairclough 2000.)

КДА представляет собой анализ диалектических отношений между дискурсом (включающего в себя язык и иные семиотические системы, например, язык тела или визуальные изображения) и другими элементами социальных практик. Главные вопросы, на которые призван ответить КДА, касаются радикальных перемен, происходящих в современной жизни, того, какую роль играет дискурс в трансформационных процессах, а также того, какие изменения происходят в отношениях между знаковой сферой и иными социальными элементами в рамках социальных практик. Мы не можем заявить о роли дискурса в социальных практиках как о само собой разумеющейся; нам необходимо определить ее в ходе анализа. Кроме того, значение и роль дискурса может меняться в зависимости от той или иной социальной практики.

В социальных практиках дискурс имеет три плана выражения.

Во-первых, дискурс – это часть социальной деятельности в рамках социальной практики. Например, частью выполнения работы (например, работы продавца) является использование языка определенным образом; то же можно сказать и об управлении государством.

Во-вторых, дискурс выражается в репрезентациях. Социальные агенты в любой социальной практике производят репрезентации других практик, а также «рефлексивные» репрезентации их собственной практики (т.е. той, в поле которой они находятся в конкретный период). Они «реконтекстуализируют» другие практики. (Bernstein 1990, Chouliaraki & Fairclough 1999) – т.е., они инкорпорируют их в собственную практику. А это значит, что различные агенты будут репрезентировать практики различным образом в зависимости от того, как они позиционируют себя в собственной практике. Репрезентация есть процесс социального конструирования практик, включающий также рефлексивное самоконструирование – репрезентации вторгаются в социальные процессы и практики и придают им форму.

В-третьих, дискурс выражается в образах жизни, в утверждении идентичности – например, идентичность такого политического лидера, как Тони Блэр в Великобритании в определенной степени представляет собой семиотически сконструированный образ жизни.

Дискурс как часть социальной деятельности конституирует жанры, представляющие собой различные способы поведения, производства социальной жизни, имеющие семиотическую природу, например: повседневный разговор, встречи в различных типах организаций, политические и другие интервью, обзоры литературы. Дискурс в репрезентациях и саморепрезентациях в социальных практиках конституирует дискурсы (обратите внимание на различие в использовании терминов: «дискурс» как абстрактное понятие и «дискурс(ы)» как исчисляемое). Дискурсы – это различные репрезентации социальной жизни, которые по своему существу являются позиционируемыми – различные позиции социальных агентов позволяют им различным образом «видеть» и репрезентировать социальную жизнь в различных дискурсах. Например, жизнь бедных и малообеспеченных людей репрезентируется в различных дискурсах в социальных практиках правительства, политики, медицины, социальной науки, а также в различных дискурсах в рамках каждой из этих практик в зависимости от различных

социальных позиций социальных агентов. И наконец, дискурс как часть образа жизни конституирует стили – например, стиль менеджера, стиль политического лидера.

Социальные практики, взаимосвязанные определенным образом, конституируют социальный порядок – например, развивающийся нео-либеральный глобальный порядок имеет отношение к социальному порядку образования в конкретном обществе и в конкретное время. Дискурсивное/семиотическое измерение социального порядка мы называем **порядком дискурса**, представляющий собой способ взаимодействия и сочетания различных жанров, дискурсов и стилей. Порядок дискурса – это социальное структурирование семиотических различий, особое социальное упорядочивание отношений на основе создания значений, таких как, различные дискурсы, жанры и стили. Один из аспектов такого упорядочивания – это доминирование: некоторые способы создания значений являются доминирующими или «мейнстримовыми» в определенном порядке дискурса, другие же являются маргинальными, или же «альтернативными». Например, может существовать доминирующий способ взаимодействия врача и пациента в Британии, но в то же время существует и множество других способов, которые могут находиться в большей или меньшей оппозиции к доминирующему. Доминирующий способ может поддерживать социальную дистанцию между врачами и пациентами, и власти врачей могут осуществлять контроль над этим способом; но существуют и другие, более «демократические» способы, при которых врачи теряют свою власть. Политическая теория «гегемонии» может быть успешно применена для анализа порядка дискурса (Fairclough 1992, Laclau & Mouffe 1985) – особое социальное структурирование семиотических различий может стать гегемоническим, частью легитимизации здравого смысла, поддерживающего отношения зависимости, но гегемония всегда будет находится в большей или меньшей степени в состоянии гегемонической борьбы. Порядок дискурса – это не закрытая, и не ригидная, а, скорее, открытая система, зависящая в большой степени от актуального взаимодействия.

Диалектика дискурса

Ранее мы уже говорили, что отношения между дискурсом и другими элементами социальных практик является диалектичным – дискурс интернализирует и интернализируется в отношении других элементов, при этом ни один из элементов не сводится к другому. Элементы социальных практик различаются, но не являются дискретными. При изучении диалектики дискурса в историческом аспекте, в аспекте социальных изменений, возникает вопрос о способах и условиях процессов интернализации. Рассмотрим концепт «экономики знания» и «общества знания». Это подразумевает качественные изменения в экономике и в обществах, предполагающие обусловленность знанием экономических и социальных процессов – изменения происходят по мере производства, обмена и операционализации знаний в экономических и социальных процессах. Конечно, знание (наука, технология) долго оставались значимыми факторами экономических и социальных изменений, но то, что

обращает на себя внимание, это невероятный рост его значимости. Важным является то, что обусловленность знанием замещается обусловленностью дискурсом: знания вырабатываются и циркулируют в виде дискурсов, а процесс, в котором дискурсы операционализируются в экономике и обществе представляет собой непосредственно диалектику дискурса.

Дискурсы содержат репрезентации настоящего и прошлого вещей, а также представления (предположения, воображения) (imaginaries) о том, какими вещи должны или могли бы быть. В этом смысле знания об «экономике знания» и «обществе знания» являются воображаемыми (imaginary), проецирующими возможные состояния или положения дел, «возможные миры». В контексте теории социальной практики они полагают (imagine) возможные социальные практики и сети социальных практик – возможный синтез видов деятельности, субъектов, социальных отношений, инструментов, объектов, хронотопы (Harvey 1996), ценностей, форм сознания. Эти представления могут предписывать (enact) актуальные социальные практики – воображаемые виды деятельности, субъекты, социальные отношения и т.д. могут стать реальными. Такое *предписание* (enactment) предполагает материализацию дискурсов – экономические дискурсы материализуются, например, в инструментах экономического производства, включая материальное производство (hardware) (заводы, машинное оборудование и т.д.) и «программное производство» (software) (системы управления и т.д.). Такое представление является также частично дискурсивным/семиотическим: дискурсы начинают функционировать как жанры. Представим себе, например, новые управленческие дискурсы, которые полагают (imagine) системы управления, основанные на принципе «работы команды», относительно неиерархичные и сетевые. Они начинают дискурсивно функционировать как новые жанры, например, жанры рабочих совещаний. Такое специфично дискурсивное предписывание встроено в производственный процесс в качестве новых способов действия и взаимодействия и даже, возможно, в качестве новых пространств совместной деятельности (например, комнаты для совещаний, конференц-залы).

Дискурсы как представления могут также распространяться в качестве новых образов жизни, новых идентичностей. Стало уже общим местом полагать, что новые экономические и социальные формации зависят от новых субъектов – например, «тэйлоризм» как система производства и управления зависит от изменений в образе жизни, идентичности рабочих (Gramsci 1971). Процесс «изменения субъекта» может рассматриваться и в рамках *навязывания* современных дискурсов – «тэйлоризм» является всего лишь примером. Навязывание (inculcation) – это, говоря современным языком, случай попадания людей в «свой» дискурс, при котором самопозиционирование, поступки, мысли, разговоры, самовосприятие осуществляется в рамках нового для них дискурса. Навязывание – это сложный процесс и, возможно, менее безопасный, чем предписание. Основой навязывания является риторическая логика (rhetorical deployment): люди могут выучивать новые дискурсы и использовать в тех или иных целях, в то же время не идентифицируя себя с ними. Одна из загадок диалектики дискурса заключается в следующем: как то, что разворачивалось как риторическая логика, приобретает «статус собственности» - как люди начинают

бессознательно позиционировать себя в рамках дискурса? Навязывание имеет и материальное выражение: дискурсы диалектически внедрены не только в стили, в способы использования языка; они также материализованы в телах, позах, жестах, телодвижениях и т.д.

Диалектический процесс не ограничивается предписанием и навязыванием. Социальная жизнь – рефлексивна; а это означает, что люди не только действуют и взаимодействуют в сетях социальных практик, они также интерпретируют и репрезентируют себе и другим то, что они делают, и эти интерпретации и репрезентации оформляют и переоформляют то, что они делают. Более того, если мы взглянем на экономические практики в современном обществе, то обнаружим, что действия людей постоянно интерпретируются и **репрезентируются** другими, в том числе различными категориями экспертов (например, консультантами по менеджменту) и академическими учёными (в том числе и дискурс-аналитиками). Это означает, что способы (взаимо)действия и образы жизни (в том числе и дискурсные аспекты, жанры и стили) репрезентируются в дискурсах, которые могут способствовать производству новых представлений, которые в свою очередь могут быть предписаны или навязаны. Круг замыкается; так развивается диалектика, вызывающая перемещения между различными социальными элементами, движения от материального к нематериальному, перемещения между дискурсами, жанрами, стилями.

Нет ничего неизбежного в той диалектике дискурса, которую мы описали. Новый дискурс может утвердиться в институте или организации, не будучи предписанным и навязанным. Он может быть предписан, но так и не навязан, и примеров тому существует огромное количество. Например, за последнее время менеджериалистские дискурсы были широко предписаны Британским вузам (например, процедуры оценки работы персонала, включая новый жанр «оценочного интервью»), однако масштабы навязывания чрезвычайно не велики – большинство академических работников не «присвоили» новые управленческие дискурсы. Мы должны признать существование как условий возможности, так и ограничений диалектики дискурса в определенных случаях. Это имеет определенное отношение к теории «социального конструктивизма» (Sayer 2000). В современных социальных науках давно уже принято полагать, что социальные общности (институты, организации, социальные агенты и т.д.) утверждаются в ходе социальных процессов, а целостное понимание этих процессов позволяет выявить эффективность дискурсов, как мы это показали выше: социальные общности в некотором смысле являются эффектом дискурсов. Социальный конструктивизм сталкивается с проблемами именно там, где возникает необходимость объяснить относительную солидарность и устойчивость социальных общностей, равно как их сопротивление изменениям. И даже такие могущественные дискурсы, как современный управленческий дискурс может столкнуться с сопротивлением, что может привести к тому, что эти дискурсы ни в коем роде не будут ни предписаны, ни навязаны. Применяя диалектическую теорию дискурса в социальных исследованиях, мы должны учитывать в каждом случае обстоятельства, которые обусловливают степень, с которой социальные общности противодействуют новым дискурсам.

Далее мы рассмотрим эту точку зрения на диалектику дискурса, обратившись к анализу языка нового капитализма.

Новый капитализм

Вот краткое описание нового капитализма, составленное Бобом Джессопом, взято с сайта, посвященному изучению языка нового капитализма (www.uoc.es/humfil/nlc/LNC-ENG/lnc-eng.html – см.также Jessop 2000).
«Капиталистический способ производства исторически характеризуется не только своими кризисными тенденциями, но и своими способностями периодически возобновлять основы своей экономической экспансии и, таким образом, ре-артикулировать и переранжировать отношения между экономическим, политическим и социальным. Свидетелями именно такого обновления мы являемся в настоящее время после кризиса послевоенного накопления, базировавшегося на доминировании атлантического фордизма. Налицо процессы реконструирования и переоценки капитализма на основе важнейших современных технологий, новых способов экономической координации и возрастающего поглощения экстраэкономических отношений логикой капиталистического накопления. Вот наиболее распространенные слова такой логики: информационное общество; экономика, основанная на знании; глобализация; подъем региональных экономик; антрепренёрские города; сетевая экономика; стратегические сообщества; управление без власти (government without governance); турбо-капитализм; сокращение времени-пространства; гибкость; трудовое пособие; обучающая экономика; корпоративная культура. Правительства различных уровней и различных политических пристрастий воспринимают за чистый факт (впрочем, это «факт», произведенный межправительственными соглашениями) то, что все должны подчиняться всеохватывающей логике глобализирующей экономики, основанной на знании. Реакции на эту всеохватывающую институциональную и операциональную логику многочисленны, но доминирующей, если не гегемонической, реакцией в англоговорящем мире является неолиберализм. Это политический проект, направленный на реструктуризацию и переоценку социальных отношений в условиях роста несоразмерных запросов глобального капитализма (Bourdieu 1998). Доминирование американских мультинациональных компаний и империалистического государства США (при поддержке интернациональных финансовых и промышленных интересов и Великобритании) сделало нео-либерализм крайне актуальным во всем мире. Нео-либерализм был внедрен на постсоциалистическом экономическом пространстве как якобы лучшее средство обеспечения быстрых системных преобразований, экономического обновления, реинтеграции в глобальную экономику. Он был принят и в большинстве англоязычных обществ с целью заменить собой дискредитировавшие себя смешанные экономики и составить конкуренцию «процветающим» странам послевоенного режима, основанного на институционализированном компромиссе между капиталом и трудом. И это действительно так, судя по неолиберальному политическому устройству наиболее корпоративистских и этатистских государств континентальной

Европы, Восточной Азии и Латинской Америки. В том или ином виде неолиберализм внедряется (если не в теории, то на практике) по всему миру как социал-демократическими, так и консервативными политическими партиями. С редкими, но важными исключениями неолиберализм стал доминировать на политической арене – и в итоге привёл к дезориентации и обезоруживанию экономических, политических и социальных сил, известных как радикально-альтернативные. Это в свою очередь способствовало прекращению публичных дебатов и ослаблению демократии.

Города, региональные и национальные образования, совершенно различные государства вплоть до сверхнациональных образований, таких как Европейский Союз были вовлечены в поддержку и регулирование процессом внедрения их экономических пространств в набирающий силу новый мировой порядок. Это лишь усилило экономическое и экстра-экономическое давление «на благо» реструктуризации и переоценки в контексте, предопределяемом якобы безличными рыночными силами. Это привело к радикальным атакам на всеобщее благосостояние как цену интернационального производства и сокращению объема социальной защиты, которую социальные государства осуществляли в отношении людей как противодействие эффектам рыночных отношений. Это также привело к росту дифференциации общества на богатых и бедных, снижению экономической безопасности и росту экономического стресса даже в отношении «новых средних» классов, а также к интенсификации эксплуатации труда. Огромнейшее внимание, уделяемое прогрессу, угрожает также и окружающей среде. Помимо прочего, эти процессы породили новый империализм, при котором интернациональные финансовые группы под руководством США и их богатых союзников навязывают реструктуризацию на менее успешные страны, в некоторых случаях с катастрофическими последствиями (например, Россия). Проблемой является не движение к возрастающей интернациональной интеграции, а совершенно конкретные способы, которыми это осуществляется, совершенно конкретные последствия (например, неравное распределение благ), которые создаются намеренно».

Язык нового капитализма

Мы уже ранее упоминали, что идея нового капитализма как основанного на знании социально-экономического порядка предполагает также, что этот порядок основан на дискурсе. Под этим мы понимаем, что язык играет более значимую роль в современных социально-экономических процессах, нежели в недавнем прошлом. Если это действительно так, то дискурс-анализ может внести важный вклад в изучение трансформаций капитализма. Значимость языка в этих трансформациях не осталось незамеченной исследователями. Бурдьё и Вакан (Bourdieu & Wacquant 2001), например, указывают на появление «новой планетарной вульгаты», «новой планетарной речи» ('new planetary vulgate'), которую они характеризуют как словарь («глобализация», «гибкость», «управление», «трудоспособность», «исключение» и т.д.), «наделённый перформативной властью делать сущими те реальности, которые он описывает». Это означает, что неолиберальный политический проект

устранения препятствий на пути к новому экономическому порядку является основанным на дискурсе.

Помимо указания на важность языка в социально-экономических трансформациях, Бурдьё и Вакан утверждают, что социальное исследование требует элементов дискурс-анализа. Недостаточно просто охарактеризовать «новую планетарную речь» как список слов, как словарь; необходимо анализировать тексты и взаимодействия, дабы показать, как работают эффекты, которые выделяют Бурдьё и Вакан (например, представление социально-экономических трансформаций нового капитализма и политики правительств в качестве неизбежных; репрезентация желаний в качестве фактов; репрезентация воображаемого заинтересованными политиками положения дел в качестве реального положения дел). Однако, ставка Бурдьё и Вакана на изучение эффективности неолиберального дискурса превосходит возможности социологических методов, которыми они пользуются.

Дискурс-анализ нового капитализма предполагает не только анализы текстов и взаимодействий, но и определенного рода теоретизацию диалектики дискурса в том роде, который предложили мы выше. Реструктуризация и переоценка могут быть рассмотрены не только как изменения в сети социальных практик (Джессоп), но и как реструктуризация и переоценка дискурса и порядка дискурса. Реструктуризация порядка дискурса имеет отношение к изменяющимся отношениям, изменениям в социальных сетях, перемещениям между дискурсивными элементами различных (сетей) социальных практик. Показательным примером является то, как менеджералистский дискурс колонизировал общественные институты и организации (например, вузы) – впрочем, необходимо сразу же уточнить, что это диалектический процесс колонизации/присвоения, т.е. это не только случай вхождения дискурса в новые владения, но также и целый комплекс случаев получения, присвоения, реконтекстуализации дискурса в различных локальных областях, и даже случаи крайне не предсказуемых результатов этого процесса. Переоценка порядка дискурса – это случай изменений в сети дискурсивных элементов социальных практик, присущих социальным организациям различных уровней – глобальных, региональных, национальных и локальных. Например, увеличивающееся и нарастающее рассредоточение локальных социальных практик (локальных правительств, небольших промышленных формаций, локальных масс-медиа) по всему миру и проникновение их в дискурсы, которые распространяются такими организациями, как Международный Валютный Фонд и Мировой Банк. Использование подхода Джессопа к трансформации капитализма в диалектической теории дискурса обеспечивает создание теоретической базы для исследований глобальной всепроницающей власти «новой планетарной речи», о которой говорят Бурдьё и Вакан.

Необходимо также проанализировать то, что Бурдьё и Вакан называют «перформативной властью» «новой планетарной речи», властью «делать сущими те реальности, которые она описывает». Каким образом данный дискурс предписывается через действия и взаимодействия (включая жанры) и каким образом он навязывается через образы жизни (включая стили)? Исследование этих ключевых моментов предполагает подробный

компаративный анализ организационных и институциональных изменений, как это представлено в работе Salskov-Iversen (2000), посвящённой сравнению нового колонизирующего-присваивающего дискурса «общественного менеджмента» местных властей в Британии и Мексике. См. также Iedema 1999.

Заключение

Подведём основные итоги. Во-первых, язык имеет определённое значение в современных социально-экономических трансформациях, которое, видимо, качественно отличается от того значения, которое имел язык в предшествующих трансформациях. Во-вторых, несмотря на то, что исследователи обращают внимание на роль языка, она не изучается достаточным образом, поскольку существующие теории и методы не соответствуют предмету исследования. Одним словом, есть необходимость в дискурс-анализе. В-третьих, если дискурс-анализ может внести вклад в изучение роли языка, он не должен ограничиваться только лишь уже существующими методами текстового анализа (которые сами нуждаются в радикальном переосмыслении), но должны использовать нечто наподобие диалектической теории дискурса.

Библиография

1. Bernstein, B. (1990). The Structuring of Pedagogic Discourse, London: Routledge.
2. Bourdieu, P. (1998). A reasoned utopia and economic fatalism, *New Left Review* 227 (pp. 25-30).
3. Bourdieu, P. & Wacquant, L. (2001). New liberal speak: notes on the new planetary vulgate, *Radical Philosophy,* 105 (pp. 2-5).
4. Chouliaraki, L. & Fairclough, N. (1999). Discourse in Late Modernity. Edinburgh: Edinburgh University Press.
5. Fairclough, N. (1992). Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press.
6. Fairclough, N. (2000). Discourse, social theory and social research: the discourse of welfare reform, *Journal of Sociolinguistics* 4 (pp. 163-195).
7. Gramsci, A. (1971). Selections from the Prison Notebooks. London: Lawrence & Wishart.
8. Harvey, D. (1996). Justice, Nature and the Geography of Difference. Oxford: Blackwell.
9. Iedema, R. (1999). Formalizing organisational meaning, *Discourse and Society* 10(1), (pp. 49-65).
10. Jessop, R. (2000). The crisis of the national spatio-temporal fix and the ecological dominance of globalising capitalism (http://www.lancs.ac.uk/fass/sociology/papers/jessop-crisis-of-the-national-spatio-temporal-fix.pdf).
11. Laclau, E. & Mouffe, C. (1985). Hegemony and Socialist Strategy. London: Verso.
12. Salskov-Iversen, D., Hansen, H. & Bislev, S. (2000). Governmentality, globalization and local practice: transformations of a hegemonic discourse, *Alternatives* 25 (pp. 183-222).
13. Sayer, A. (2000). Realism and Social Science, London: Sage.
14. Williams, R. (1977). Marxism and Literature. Oxford.

Перевод Е.Кожемякина